

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

«ЕСТЕСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ» КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ЧАСТЬ II

В.Г. Иванов

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье представлена гипотеза о растущем влиянии системы третичного образования на стабильность политического режима в ряде современных стран. Для раскрытия механизма этого влияния автором предложено понятие «естественный уровень образования», отражающее оптимальный с точки зрения избегания социальных потрясений баланс отношений между рынком труда и системой образования. Автор полагает, что стабилизирующая функция системы третичного образования обусловлена ее ролью специфического регулятора рынка труда и способностью включать в себя миллионы молодых мужчин, предоставляя им занятие на длительный срок. Под воздействием политики государства эта стабилизирующая функция может быть гипертрофирована и даже достигать экстремума — т.е. становиться контрпродуктивной. Статья имеет междисциплинарный характер, находясь на стыке политологии и экономики. Автор использует ряд методологических положений теории человеческого капитала и вводит понятия «образовательная пирамида», «образовательные пузыри», «образовательные ножницы» и др.

Вторая часть статьи содержит в себе case study, где в качестве примеров рассматриваются события в США 1940-х — 1960-х гг., а также ситуация в Тунисе и Египте до «жасминовой» и «твиттерной» революций 2011 г. Основное внимание автор уделяет во многом уникальному положению системы третичного образования России с начала 1990-х гг. до настоящего времени.

Ключевые слова: политическая стабильность, третичное образование, политический режим, протестные движения.

Чтобы проиллюстрировать гипотезу о «естественном уровне образования», проведем рассмотрение трех конкретных кейсов, в которых, на наш взгляд, отчетливо проявился описанный феномен. Речь пойдет о примерах США 1940-х — 1960-х гг., современного Туниса и Египта до «жасминовой» и «твиттерной» революций 2011 г. и России с начала 1990-х гг. до настоящего времени. По понятным причинам основное внимание в настоящем исследовании было обращено на последний кейс.

Кейс № 1. Послевоенные США

После Второй мировой войны в США началась демобилизация, с фронта должно было вернуться более 6 млн мужчин. Несмотря на то что последствия Великой депрессии оказались преодоленными и США смогли достаточно заработать на войне, экономика не могла быстро создать достаточное количество новых рабочих мест. При этом в стране уже завершился Новый курс Ф. Рузвельта и государство постепенно уходило из экономики.

«Лишних» молодых людей нельзя было как прежде выкинуть на улицу или направить в лагерь работать за еду. В таком случае «гроздя гнева» обещали быть куда внушительнее, чем десятилетием ранее. США вышли из положения благодаря социальной программе, в рамках которой вернувшимся солдатам выдавались льготные кредиты либо на открытие малого бизнеса, либо на поступление в колледж. Большинство выбрало второй вариант. В учебных заведениях того времени не было требуемого количества свободных мест, и система образования начала расти как на дрожжах, произошла ее резкая демократизация [10. С. 8—9].

Данный процесс привел к образованию большого количества новых учебных заведений и росту науки, оказавшему серьезное влияние на дальнейшее экономическое развитие страны. По расчетам Э. Денисона, прирост ВВП на душу населения в США после Второй мировой войны был на 15—30% обусловлен инвестициями в образование [16. С. 10].

За счет того, что после Второй мировой войны в мире начался экономический бум, обусловленный НТР (т.е. А-фаза очередного Кондратьевского цикла), а также создания Бреттон-Вудской системы, упрочившей позиции доллара как мировой резервной валюты, высокие темпы экономического роста в США позволили создать много новых рабочих мест и избежать дестабилизации, а норма отдачи образования была высокой, чему в дальнейшем способствовал и «послеспутниковый период» — научный бум в США, продлившийся с конца 1950-х до середины 1960-х гг.

С. Фишер отмечает высокую рентабельность получения третичного образования в тот период: «Исследования, проведенные в 60-х гг., показали, что реальная норма отдачи инвестиций в образование была более 10%. Фактическая норма отдачи вложений в акции в США в среднем составляла около 6% в год, а в облигации — около 2-х... Однако в 70-е гг. реальная отдача от инвестиций в высшее образование упала ниже 10%. Это снижение частично явилось следствием увеличения числа людей, поступающих в колледжи» [26. С. 306].

Данный кейс является наглядным примером того, как бурный экономический рост, создавая требуемое количество рабочих мест, способствует эффективному снятию напряженности — перед нами удачный пример балансировки «естественного уровня образования», обусловленный высокими темпами экономического развития и эффективной работой системы образования.

Кейс № 2. Предреволюционные Тунис и Египет

Следующий кейс — революции 2011 г. в Тунисе и Египте. В текущем году обе страны почти синхронно столкнулись с вспышками дестабилизации «снизу», приведшими к крушению авторитарных политических режимов. Даже если

не учитывать тот факт, что события в Тунисе оказали непосредственное влияние на развитие ситуации в Египте, бросается в глаза то, что в предреволюционной обстановке этих стран очень много общего. Это наиболее светские и умеренно-либеральные страны региона со схожей демографической ситуацией, характеризующейся ярко выраженным «молодежным бугром» (1), системой массового и доступного третичного образования и уровнем развития экономики, явно недостаточным для такого значительного количества выпускаемых специалистов. Поэтому движущей силой революций в обеих странах стала образованная, но неустроенная в жизни молодежь. На это указывают многие исследователи.

Так, Б.В. Долгов совершенно справедливо отмечает: «Значимым фактором стали социально-демографические особенности арабских стран. В большинстве из них до 50% населения составляют молодые люди в возрасте до 35 лет — именно они в первую очередь страдают от нерешенных социально-экономических проблем. Безработица в этой возрастной группе достигает 50%, причем работу не находят в первую очередь дипломированные специалисты, особенно гуманитарных специальностей. Более всего это характерно как раз для Туниса и Египта. Молодые выпускники университетов вынуждены заниматься мелкооптовой торговлей и мелким бизнесом; не имея достойного дохода, они часто лишены возможности создать семью, при том, что семейные ценности в арабо-мусульманском обществе котируются весьма высоко» [8].

Как мы отмечали выше, именно образованная молодежь, которой более свойственны неприятие диктатуры и коррупции, рост гражданского самосознания, понимание сути проблем, готовность идти до конца, не отвлекаясь на мелкие уступки и эффективно организовываться в сети, представляет наибольшую угрозу для авторитарных политических режимов.

Примечательно, что социальный взрыв оказался неожиданностью, его было сложно предсказать на основе стандартных данных экономической статистики, поэтому неслучайно и режим Бен Али, и режим Х. Мубарака не разглядели его и начали предпринимать адекватные меры слишком поздно.

Попытаемся выявить ту, несомненно, важную роль, которую, на наш взгляд, в рассматриваемых событиях сыграла система образования. Очевидно, что Египет и Тунис — лидеры региона в этой сфере. В обеих странах государство контролирует сферу третичного образования, активно формирует и проводит образовательную политику.

В обеих странах с начала 1990-х гг. бурно развивается образование и растет число студентов.

Различие между двумя странами в этом аспекте заключается в том, что египетская система образования более масштабна и явно ориентирована на количественные показатели (что неудивительно, учитывая, что это самая густонаселенная страна арабского мира) при очень низком качестве обучения — 7-е место в регионе; в то же время в Тунисе качество высшего образования находится на относительно высоком для стран региона уровне — 2-е место после Иордании, поэтому дипломированные специалисты — иммигранты из Туниса активно работают в странах ЕС.

Тунис

Политический режим Туниса представлял собой классический пример диктатуры стареющего президента Зин аль-Абидин Бен Али, завладевшего властью в результате военного переворота 1987 г. и с тех пор бессменно руководившего страной.

Несмотря на определенные успехи, достигнутые в экономике и социальной сфере, в стране процветали клановость и коррупция, подавлялась оппозиция. Семья и приближенные президента контролировали ключевые экономические активы.

Несмотря на это, образование являлось явным приоритетом для властей Туниса, более 20% государственного бюджета было направлено в эту сферу, на высшее образование тратилось 2% ВВП. Образование было преимущественно государственным, в частных ВУЗах обучался всего 1% студентов. Высшее образование в Тунисе вполне европейского уровня, и получить его можно бесплатно. В начале 1990-х гг. в сфере образования были предприняты масштабные реформы, и с этого момента в стране начался лавинообразный рост количества студентов: если в 1995 г. их было примерно 102 тыс., то через 10 лет уже втрое больше — 365 тыс., а в 2010 г. — около 470 тыс. [35]. Государство форсированными темпами создавало новые учебные заведения: так, с 2005 г. по 2008 г. было открыто 22 новых государственных вуза [36].

В последние годы университеты и колледжи страны ежегодно выпускали до 70 тыс. специалистов [18], но, что вполне предсказуемо, не было соответствующего появления достаточного количества рабочих мест.

В стране росла безработица среди выпускников, норма отдачи образования падала. Явно обозначились, хотя и не достигли критического уровня, «образовательные пузыри» — число студентов-гуманитариев и экономистов/юристов достигло 60% от всех учащихся [36].

Напряжение снимало то обстоятельство, что качество образования и развития человеческого капитала (ЧК) было достаточно высоким, и многие образованные тунисцы уезжали на заработки в Европу. Мировой кризис привел к сокращению экспорта, туризма и рабочих мест. Кроме того, государства Евросоюза сократили прием иностранных рабочих и дипломированных специалистов-иммигрантов, в том числе из Туниса.

В результате, по разным оценкам, от 30 до 50% молодых специалистов в стране не имели работы, а те, кому «повезло», вынуждены были устраиваться на низкооплачиваемые и непрестижные должности.

Своеобразной искрой, из которой возгорелось пламя тунисской «жасминовой революции», послужил акт саможжения представителя этой части молодежи Мухаммеда Буазизи (впоследствии попытки саможжения молодых безработных были предприняты в других арабских странах). Еще двое молодых тунисцев последовали его примеру, остальные, примерив их судьбу на себя, вышли на улицу с политическими требованиями и стали устраивать стычки с полицией. Политический вектор развернувшимся событиям дополнительно придали предстоящие президентские выборы в стране и желание действующего президента идти на шестой срок, попутно вновь переписав для этого конституцию. Образованная толпа оказа-

лась гораздо последовательней и радикальней в своих политических требованиях, чем предполагал Бен Али, и ему пришлось покинуть страну.

Можно ли считать Тунис примером перепроизводства SNL? С нашей точки зрения — это было бы небезосновательно. Несомненно, государство проводило образовательную политику в первую очередь по экономическим и идейным соображениям, но в том числе и по политическим причинам — рост образования был важен для предотвращения распространения исламизма, «занятия» молодежи, а также сокращения недовольства авторитарным правлением президента, его семьи и приближенных к власти кланов, что давало основания называть режим Бен Али «просвещенной диктатурой». Можно предположить, что важной целью этой политики также было не допустить роста преступности, учитывая во многом туристический характер экономики Туниса.

Египет

Движущие силы египетского протестного движения, как и в Тунисе, были представлены массами молодых безработных, в том числе дипломированных специалистов, не приемлющих коррумпированный режим личной власти. Протестные манифестации в основном носили стихийный характер, однако непосредственным поводом для них послужило очередное повышение цен на продовольствие, прошедшие парламентские выборы, на которых «партия власти» получила абсолютное большинство голосов, а также пример бескровной революции в Тунисе.

Египет обладает самой масштабной образовательной системой в регионе, в то же время уровень развития человеческого капитала довольно невысок. Как и в Тунисе, хорошо заметно резкое увеличение количества студентов с первой половины 1990-х гг., все в меньшей степени коррелирующее с развитием экономики. Как и в Тунисе, за десятилетие с 1995 г. по 2005 г. количество студентов вузов в стране утроилось [25]. За этот же период ВВП страны увеличился, по приблизительным оценкам, примерно на 65—70%. Это хорошие темпы роста, однако квалифицированных рабочих мест в стране создавалось явно недостаточно (2). Государство предпринимало определенные шаги с целью заделать эти бреши — в основном создавая относительно низкооплачиваемые места в бюджетном секторе, но эти меры не смогли решить проблему. Таким образом, число людей с высшим образованием, которые не могут найти работу, постоянно растет, как и их фрустрация и разочарование.

Тем не менее, около $\frac{1}{3}$ молодых египтян идут получать третичное образование [33], система которого в стране высокоцентрализована. По всей видимости, преобладают количественные инвестиции, поскольку параллельно увеличению числа учащихся отчетливо наблюдалось сокращение затрат на подготовку одного студента [33].

Эти факторы, несомненно, оказали свое влияние, наложившись и на другие насущные проблемы страны. Так, А.В. Коротаев и Ю.В. Зинькина, ссылаясь на исследование, проведенное Центральным агентством по общественной мобилизации и статистике Египта в III квартале 2010 г., отмечают, что «уровень безработицы к началу Египетской революции был по мировым меркам не особенно высоким — порядка 9% (3). Но при этом... около половины всех египетских безработных отно-

сились к возрастной группе 20—24 года! Общее число безработных в Египте — порядка двух с половиной миллионов. Таким образом, в стране накануне революции было более миллиона безработных этой возрастной группы, которые и составили ударную силу революции... Еще одно впечатляющее обстоятельство — более 43% египетских безработных имело высшее образование! Таким образом, ударный отряд египетской революции был не только молодым, но и очень высоко образованным. Это обстоятельство придало заметную специфику Египетской революции» [14].

Широкое распространение спутниковых телеканалов и особенно Интернета создало для египетской образованной молодежи мощные средства самоорганизации (не случайно название «твиттерная революция») и не позволило спецслужбам предотвратить массовые акции протеста.

Вывод

Данный кейс является классическим примером того, как серьезное нарушение «естественного уровня образования» явилось одним из факторов политической нестабильности в свете экономических затруднений.

Однако если внимательно приглядеться, здесь можно увидеть и симптомы более масштабного процесса.

Экономика обеих стран росла достаточно уверенно, но в определенный момент количество образованной рабочей силы стало заметно превышать возможности экономического развития. Этому развитию, а также адекватному трудоустройству молодежи препятствуют nepотизм правящей элиты, ее хищнические действия: захват активов и их перераспределение между «своими», недобросовестная конкуренция, вывоз капитала, а также авторитарные попытки удержать власть: закупорка социальных лифтов, снижение вертикальной мобильности, репрессии и др. Образованные люди понимают, что жизненно необходимая им (просто для того, чтобы нормально жить и реализоваться) модернизация в существующих институциональных условиях и с такой элитой является труднодостижимой. Они не видят перспектив.

По всей видимости, наблюдаемые революционные события — симптом того, что достигнут предел применимости модели «просвещенной» клановой автократии XX в., она заходит в тупик. По мере роста числа образованных людей общества уже перерастают ее, уровень политического сознания людей перерос уровень развития политической системы.

Почему же этот процесс характерен в первую очередь для стран с авторитарными, а не демократическими или тоталитарными политическими режимами? На наш взгляд, ответ следует искать в классическом определении авторитаризма: этот тип политического режима в отличие от других имеет тенденцию *исключать* людей из политики, а не *включать* в нее.

Этот принцип хорошо работает, когда образованных людей в обществе не очень много, но масса образованной молодежи может и не позволить лишиться себя участия в политике и определении своей судьбы. Неслучайно молодежные революции XXI в. часто называют «революциями возможностей», требующими новой среды, позволяющей лучше реализовать свой потенциал. И хотя далеко не всегда

успех самих революций оборачивается достижением их целей, уровень нестабильности «снизу» в дальнейшем будет только возрастать.

Судя по всему, классический авторитаризм, характерный для многих арабских стран, не может разрешить проблему баланса «естественного уровня образования». Получается, что, перепроизводя студентов, он сам создает себе могильщиков. Й. Шумпетер полагал, что буржуазный режим сам создает себе могильщиков, производя большое количество «интеллектуалов» — радикализованной интеллигенции, отвергающей сложившиеся устои и порядки, но похожий процесс характерен и для многих классических авторитарных режимов. В арабском мире за разговорами об угрозе исламского радикализма политологи проглядели эту проблему.

Если темпы работы системы образования сохранят свою динамику, нам кажется, что через некоторое время фундаментализм будет мало кому интересен. И ведь пути назад для правящей элиты нет — куда деть эту образованную молодежь, эти университеты? Понизить качество образования? Как было показано выше — это не выход, да и понижать в некоторых случаях уже некуда. Ограничить прием? Эта мера сама по себе может вызвать социальные потрясения. По всей видимости, следует ожидать новых накалов борьбы с рождаемостью, а также усиления репрессивных практик — ведь, несмотря на возросший уровень притязаний образованной молодежи, все-таки самый ценный актив — это жизнь.

Несмотря на то что события «арабской весны» оказались полной неожиданностью для ряда политических режимов, эффект «естественного уровня образования» довольно просто смоделировать.

Для наглядной иллюстрации рассматриваемых эффектов мы создали несложную модель в программе системно-динамического моделирования iThink 9.0.2 от компании Isee Systems inc (рис. 1).

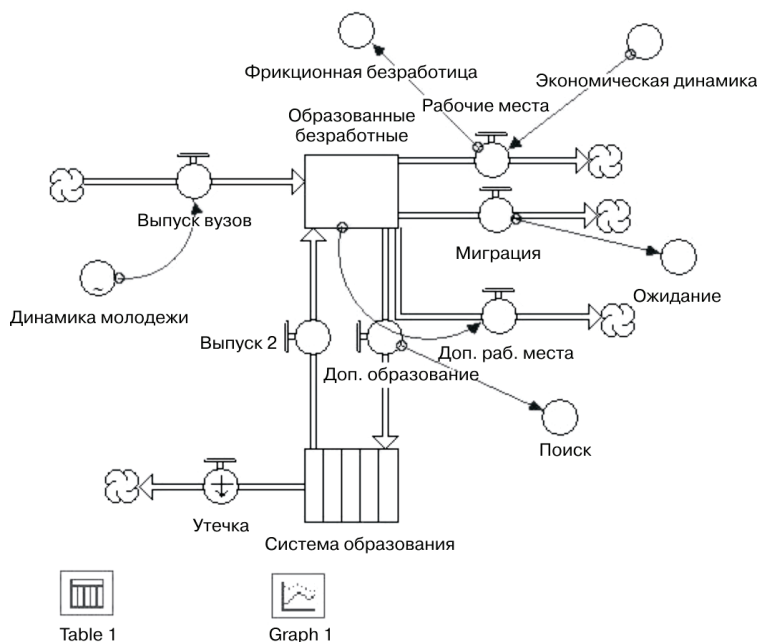

Рис. 1. Блок-схема модели «естественного уровня образования» на примере современного Египта

На рис. 2 представлен «уровень формул» — детальное представление модели в языке программирования, позволяющее понять ее механизм. Специфическая орфография на схеме объясняется особенностями работы программы с русским языком.

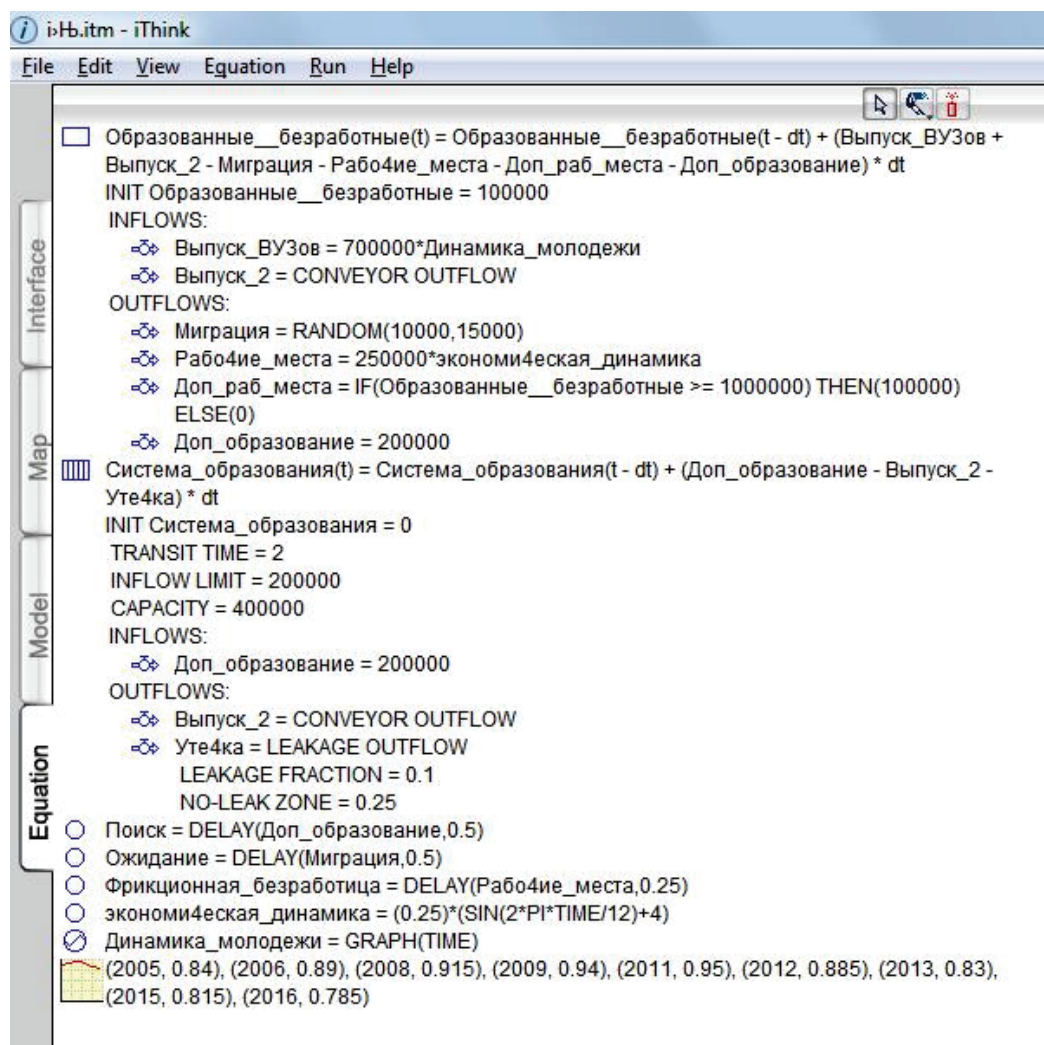

Рис. 2. Формула модели «естественного уровня образования»

Как видно, ключевую угрозу для стабильности может представлять растущее и уже по видимости перешагнувшее критический уровень число выпускников учебных заведений, испытывающих проблемы с трудоустройством. Причем даже существенный экономический рост и соответствующее оживление рынка труда не смогут решить эту проблему. В то же время возможности экстенсивного роста низкооплачиваемых рабочих мест в стране исчерпаны или близки к исчерпанию — $\frac{1}{4}$ населения Египта живет не более чем на 2 доллара в день. Результаты моделирования позволяют нам предположить, что состояние нестабильности в Египте будет сохраняться, во всяком случае, в кратко- и среднесрочной перспективе. Обнадеживающим фактором здесь является наметившееся сокращение численности

молодежи, как и ее доли в общем составе населения — постепенное выравнивание «демографического бугра».

В то же время хотелось бы оговориться, что в силу естественных ограничений формата статьи представленная модель выполняет в основном иллюстративную функцию и не содержит важные блоки и субмодели (такие, как, например, уровень фрустрации или уровень безработицы среди необразованных групп населения и т.д.).

Кейс № 3. Современная Россия

Российская ситуация являет собой уникальный пример сверхэффективной политики политической стабилизации посредством системы образования в сложных экономических условиях, которая достигла своего пика, и хотя и стоит перед кризисом, по сути исчерпала себя, но выполнила свою историческую роль.

В России роль образованных молодых людей в социальных и политических потрясениях была исторически очень велика. В то же время она существенно различалась в разные исторические периоды. Если революция 1905—1907 гг. была преимущественно пролетарской, то в Гражданскую войну было так или иначе вовлечено большинство даже относительно образованных молодых людей, во многом за счет той политики мобилизации, которая проводилась в Первую мировую войну. В. Шкловский писал об этом: «Офицерство почти равнялось по своему качественному и количественному составу всему тому количеству хоть немного грамотных людей, которое было в России. Все, кого можно было произвести в офицеры, были произведены. Грамотный человек не в офицерских погонах был редкостью» [5. С. 14].

В советский период была создана во многих отношениях уникальная система образования, оптимизированная для потребностей плановой экономики. Занятость и образование тщательно регулировались государством, уровень человеческого капитала был достаточно высоким, что в целом обеспечивало иммунитет от рассматриваемых процессов, который постепенно стал утрачиваться в 1980-е гг. (4).

Россия 1990—2000-х гг. представляет наибольший интерес, т.к. в этот период страна включилась в мировые процессы — сформировался рынок труда, открылись каналы миграции, а образование стало еще и частным, коммерчески вписанным в международные академические процессы. Высшее образование стало играть исключительную, но при этом отчасти и маскируемую роль в жизни страны.

В постсоветской России мы видим удивительные на первый взгляд противоречия: резкое увеличение числа образованных специалистов и в то же время падение производительности труда; расширение системы высшего образования и параллельное сокращение наукоемких отраслей экономики; бурное развитие послевузовского образования при сокращении количества патентов и изобретений; очень высокий процент поступления молодежи в вузы, — и заполнение ими в дальнейшем низкоквалифицированных вакансий, наконец, резкое уменьшение количества ученых — и не менее стремительное увеличение числа преподавателей. В результате в современном мире Россия представляет собой уникальный, атипичный слу-

чай. На наш взгляд, помочь объяснить эти противоречия может предложенная в настоящей статье гипотеза о политико-экономическом эффекте «естественного уровня образования».

Как известно, в начале 1990-х гг. ВВП страны резко сократился, стали закрываться предприятия, параллельно снижению покупательной способности средней заработной платы росла безработица, несмотря на сохранение многих рабочих мест, часто практиковалась систематическая невыплата зарплат в течение длительного времени. Резкое сокращение занятости произошло и в сфере науки: за период 1990—2004 гг. общая численность занятых в этой сфере уменьшилась более чем вдвое — с 2,8 до 1,2 млн чел. [12].

В то же время параллельно неблагоприятным экономическим процессам в стране начался бум высшего образования. Даже несмотря на сократившееся финансирование со стороны государства, эта сфера выглядела чуть ли не самой динамично развивающейся на фоне стагнации и кризиса остальных отраслей (во всяком случае, в том, что касалось количественных параметров). За период с 1990 г. по 2005 г. количество вузов выросло с 514 до 1068. Особенное впечатление производит увеличение числа негосударственных вузов, которых в 1990 г. по стране не насчитывалось ни одного, а к 2005 г. было зарегистрировано 413 [23].

В 1990 г. на первый курс были приняты около 584 000 человек, а в 2005 г. количество первокурсников выросло в 2,7 раза, составив 1 640 000 (5). В 1990 г. закончили обучение 401 000 человек, а в 2005-м — уже 1 151 000 [23]. Общая численность студентов составляла, по данным на 1992 г., 2 638 000 человек, а в 2000 г. уже 4 739 500, в 2002 г. она равнялась 5,95 млн человек и в дальнейшем увеличивалась, достигнув максимума в 7,5 млн в 2008 г. [17] (8,1 млн включая все формы третичного образования) [34].

Все постреформенные годы в стране стремительно растет число людей именно с высшим образованием. Уже в 2002 г. численность молодых людей в возрасте 16—29 лет с высшим образованием выросла по сравнению с 1989 г. на 42,5% [27]. Количество обладателей среднего специального образования выросло за этот период незначительно, а со второй половины 2000-х гг. стало постепенно снижаться, и в настоящий момент оно даже ниже, чем в 1990 г.

Таким образом, среднее специальное образование постепенно превращается в предварительную ступень высшего образования, в то время как оно должно функционировать в качестве параллельной структуры.

Вывод напрашивается сам собой: *с начала 1990-х гг., в условиях экономического кризиса, демографического роста численности молодежи и неустойчивости политического режима именно система третичного образования становится важной опорой политической стабильности. Эта ее роль была доведена практически до совершенства и, во многом в силу этого, сохранилась и до настоящего времени.*

Как известно, в 1990-е гг. в стране был высокий уровень и циклической, и структурной безработицы, обусловленной масштабными экономическими, технологическими и социальными трансформациями переходного периода. Россия была страной с изначально высоким уровнем ЧК, но в то же время образовался огромный разрыв между новыми потребностями меняющейся экономики и соста-

вом рабочей силы, ее навыками и компетенциями. В условиях шоковых экономических реформ и вовлечения страны в международные процессы произошло обесценивание значительной части человеческого капитала, накопленного в советское время. Миллионы людей столкнулись с необходимостью сменить профессию и сферу занятости. Именно система третичного образования позволила сократить структурную безработицу, провести реаллокацию ЧК, устранить дефицит определенных специалистов для экономики, найти временное занятие большей части молодежи и ограничить процесс ее криминализации. По оценкам, основанным на данных Российского мониторинга экономического благосостояния и здоровья населения, за 1991—1998 гг. свыше 40% российских работников сменили профессию, из них две трети — в начальный период реформ 1991—1995 гг. [37].

Как уже отмечалось, с самого начала 1990-х гг. стало резко увеличиваться количество учебных заведений, открывалось много новых специальностей, получить высшее образование стало гораздо проще, так как возникло больше мест, из них по-прежнему большой процент бюджетных — это привлекало очень многих. Высшее образование стало подлинно массовым и общедоступным — многие молодые люди, которые раньше не смогли бы пройти вступительный отбор, получили возможность учиться и получать дипломы. Очень привлекательно выглядело явное снижение академических и дисциплинарных требований и распространение заочного обучения.

Государственные затраты на науку и образование были очень скромными, но распространение образования было стремительным. Не вызывает сомнения, что инвестиции в образовательную систему были ярко выраженного количественного характера. Подготовка SNL обходилась исключительно дешево. Неизбежным следствием такой политики стала резкая эрозия стандартов обучения.

Возможно, стабилизационный эффект во многом осуществлялся и без специальной политики сверху (ведь в 1990-е гг. часто отсутствовала последовательная государственная политика и в более важных сферах), самой системой образования, у которой были развязаны руки (6). Но факт в том, что этот эффект был налицо — молодежь ринулась учиться.

Рассмотрим, как данная ситуация стала сказываться на рынке труда. Уже с середины 1990-х гг. он начал приспосабливаться к возросшему предложению квалифицированной рабочей силы. Наиболее интенсивно число занятых с высшим образованием росло в относительно новых и быстро развивавшихся отраслях, производящих рыночные услуги, наименее — в отраслях, производящих товары.

За исключением нескольких самых первых реформенных лет мы видим, что увеличение выпуска специалистов с третичным образованием не привело к росту относительного уровня безработицы в соответствующих образовательных группах и было поглощено рынком. В условиях экономического кризиса этот довольно положительный эффект был во многом достигнут за счет таких параллельных процессов, как:

- 1) стремительная перестройка, структурная трансформация экономики;
- 2) влияние мировых процессов — глобализации и информационной революции, предъявляющих свои требования к уровню человеческого капитала;

3) высокий уровень смертности людей трудоспособного возраста. Особенно обращает на себя внимание смертность среди молодых мужчин, удивительно высокая для мирного времени;

4) высокий уровень оттока образованных специалистов из-за внешней трудовой миграции. «Утечка мозгов», принявшая в России огромные масштабы с начала 1990-х гг., вымывает из экономики страны талантливую и целеустремленную молодежь, но в то же время, как уже отмечалось, по-своему способствует стабильности, дополнительно разгружая рынок труда;

5) растущая деградация части молодежи, в частности проявляющаяся в том, что доля молодых людей, не получивших даже обязательного образования (9 классов), увеличилась в полтора-два раза;

6) широкая вовлеченность людей трудового возраста в структуры неформальной экономики, теневого и криминального бизнеса;

7) заметное обесценение труда лиц с первичным и вторичным образованием, что дополнительно способствует увеличению спроса на полное третичное образование. Да, зарплаты образованных специалистов в основной массе были невелики, но заработки людей с менее высоким уровнем образования сократились значительно.

Большинство данных процессов являются негативными, однако их последствия наиболее явно проявляют себя в долгосрочной перспективе. В то же время в кратко- и среднесрочной перспективе их «разгрузочный» эффект сразу дал о себе знать, что отмечалось многими влиятельными экономистами того времени (чего стоит одно знаменитое «не вписались в рынок»).

Хорошо заметно, что уже с середины 1990-х гг. в России начинается резкое разведение масштабов работы системы третичного образования и уровня экономического развития страны. Интересна позиция государства — оно фактически никак не препятствовало, скорее наоборот, способствовало этому процессу. Косвенным доказательством этого можно считать стремительный и поддержанный министерством образования рост гуманитарных вузов, специальностей и численности студентов. На наш взгляд, такую позицию можно объяснить осознанием «наверху» дополнительной стабилизационной функции образовательной системы.

В 2000-е гг. система образования сохранила за собой эту функцию, несмотря на то что ситуация в стране значительно изменилась: улучшилась внешнеэкономическая конъюнктура, вырос рынок труда, увеличилась устойчивость политического режима. Тем не менее, на фоне затянувшегося переходного периода в экономике и достижения трудоспособного возраста многочисленной возрастной когортой детей «бэби-бума» конца 1980-х гг. происходит разбухание «образовательных пузырей» и формирование «образовательной пирамиды», для которой складываются все необходимые условия.

Ситуацию в современной России характеризует целый ряд показателей, демонстрирующих, насколько эффективно система высшего образования выполняет свои стабилизационные функции. По ряду параметров место России в мире уникально, возможно, если не считать некоторые постсоветские страны. В чем состоит эта уникальность?

1. Огромный охват образованием

В России он намного выше, чем не только в странах с близким уровнем душевого ВВП, но и опережает большинство развитых стран. По оценкам OECD, в современной России доля населения с третичным образованием составляет $\approx 60\%$, а среди занятого населения — свыше 66% . « $\frac{2}{3}$ российских работников имеют третичное образование. Это абсолютный мировой рекорд. Нет страны, которая могла бы похвастаться таким показателем», — справедливо отмечает отечественный экономист Р.И. Капелюшников [11].

По доле работников с законченным высшим образованием Россия тоже занимает очень высокие места в мире (11—13, а в 2002 г. — даже седьмое), на порядок опережая другие страны, относящиеся к той же доходной группе [31]. Доля образованных работников продолжает стремительно увеличиваться, так как относительная численность студентов в нашей стране является самой высокой в мире (7): в 2005 г. на каждые 10 тысяч жителей России приходилось 495 студентов [6]. Велика и их абсолютная численность — доля нашей страны в общемировой численности студентов составляла в 2006 г. $6,6\%$ [13. С. 11], а в 2008 г. — 7% , лишь на 3 пункта меньше, чем Китай. Эти показатели позволяют классифицировать РФ как одну из самых высокообразованных стран мира по количественным и формальным признакам. В то же время, к сожалению, структура экономики не вполне соответствует настолько образованной рабочей силе (к примеру, доля сектора hi-tech не превышает $2\text{—}3\%$ ВВП), а темпы экономического развития не поспевают за соответствующими темпами, заданными системой образования. Настораживающим индикатором здесь является характерный для России высокий процент людей, имеющих или получающих второе высшее образование. Мы полагаем, что значительную часть из них можно классифицировать как SNL.

2. При этом подготовка специалистов обходится государству удивительно дешево

В современной России доля государственных расходов на образование в ВВП существенно меньше, чем в других странах БРИК, не говоря уже о большинстве развитых стран. Расходы в расчете на одного учащегося по отношению к ВВП на душу населения в России сейчас составляют для третичного образования довольно скромные 32% (а в конце 1990-х — мизерные 25%).

Примечательно, что государственное финансирование деформировано в пользу высшего образования (37%) в ущерб среднему, показатели по которому (18%) являются одними из самых низких в мире [30]. Так как расходы на одного учащегося очень невелики, это открывает возможность задешево штамповать SNL, практически распахивать перед молодежью двери образовательных учреждений во время возникновения экономических проблем.

При этом российская система образования вовлекает в себя молодых людей на очень длительное время. Среднее число накопленных лет образования в России — одно из самых больших в мире, намного выше, чем даже в большинстве развитых стран. На текущий момент оно составляет не менее $10,7$ лет, а по некоторым подсчетам около 12 [11]. Введение 11-летки и системы бакалавр/магистр дополнительно увеличило срок обучения.

3. Стабилизирующая функция сферы образования проявляется и в том, что она является очень крупным работодателем

С начала 1990-х гг. в стране наблюдается рост численности профессорско-преподавательского состава, количество которого выросло с 1990 г. по 2002 г. на 54,6%.

Таким образом, темпы привлечения в вузы преподавателей не отставали от высочайших темпов прироста студентов. При этом по соотношению количества студентов на преподавателя Россия также является одним из мировых лидеров [32]. Если на начало 2002/2003 учебного года на 1 преподавателя в системе третичного образования в среднем по стране приходилось 18 студентов, то по данным 2010 г. — уже 10—13 студентов.

Общеизвестно, что такая ситуация в России объясняется относительно низким уровнем зарплаты преподавателей (не превышающим 70—75% от средней зарплаты по экономике), дешевизной их труда для государства, что, опять же, отличает современную РФ от большинства других стран.

Это же характерно и для элиты преподавательского состава — профессоров. Согласно итогам проекта по изучению академических контрактов НИУ ВШЭ и Всемирного банка, официальный заработок российских профессоров отстает даже от их коллег в Казахстане и почти в 8 раз меньше, чем в Канаде. Только треть из них занимается наукой, основная часть заработка — преподавание и административная работа, часто в нескольких вузах [21].

Тем не менее, несмотря на относительно невысокий уровень оплаты труда преподавателей и достаточно большую «текучку» персонала в этой сфере, мы полагаем, что при господствующей сейчас количественной модели инвестиций в образование у государства нет большой мотивации для увеличения заработной платы — ведь желающих работать в этой сфере все равно больше, чем доступных рабочих мест. Другое дело — влияние уровня заработной платы на качество образовательных услуг. Тут зависимость прямая и очень явная. Однако, как видно, качество образования не является в наше время приоритетом.

Итак, мы видим, что в России уровень отдачи вложений в подготовку SNL очень велик (длительное время подготовки, широчайший охват образованием, низкая стоимость обучения, большое количество относительно низкооплачиваемых преподавателей, а также высокая и обоснованная мотивация людей на получение третичного образования (безотносительно к его качеству)). В то же время при блестящих количественных данных работы системы образования качественные вызывают серьезные опасения. В данной связи процесс массовизации, даже своего рода «тотализации» образования, чреват масштабным перепроизводством и накоплением отрицательного человеческого капитала, способного, в свою очередь, негативно влиять на уровень политической стабильности. Есть серьезные основания полагать, что стремительное накопление ОЧК осуществляется отечественной образовательной системой за счет и качественного, и количественного факторов.

1. Качественный фактор

Несмотря на то что Россия не участвует в международных программах по сравнению качества высшего образования, вряд ли вызывает сомнение, что его

уровень существенно снизился за реформенные годы. Немалую роль в этом сыграли крен системы третичного образования в сторону экстенсивного развития, низкая оплата труда преподавателей и явно недостаточное финансирование науки и образования со стороны государства. Быстро стареют и теряют свою ценность знания, накопленные еще во времена СССР, а новые накопления знаний незначительны [16. С. 59].

На формирование ОЧК работают такие особенности российской системы высшего образования, как «образовательные пузыри», создание практически нелIMITированного предложения некачественных образовательных услуг по целому ряду специальностей и крайне низкие альтернативные издержки получения образования для студентов как из-за непомерного развития заочного обучения, так и из-за снижения требований к студентам-очникам.

Можно заметить, что в России широкое распространение получило «псевдообразование». Определить его масштабы непросто, но, по оценкам министра образования А. Фурсенко, только 15—20% российских студентов и 30% в ведущих вузах «учатся по-настоящему» [3]. Понятно, что низкое качество образования само по себе может являться препятствием для дальнейшего трудоустройства, а чем ниже уровень ЧК, тем сложнее «избыточная» рабочая сила может быть канализована за рубеж.

2. Количественный фактор

Несмотря на то что перепроизводство представителей целого ряда профессий, требующих высшего образования — давно свершившийся факт, его темпы не ослабевают. Создаются сильнейшие дисбалансы в структуре рабочей силы. По подсчетам ряда экономистов, со временем среди современных молодежных когорт высшее образование получают до 70% человек (третичное — 90%). Как полагает Р.И. Капелюшников, «не исключено, что к середине века Россия будет располагать рабочей силой, которая на $\frac{2}{3}$ будет состоять из обладателей вузовских дипломов. И помешать этому, по-видимому, может только резкий приток необразованной, неквалифицированной рабочей силы из-за рубежа» [12].

В 2000-е гг. российский рынок труда адаптировался к галопирующим темпам выпуска дипломированных специалистов — в стране сформировалась очень масштабная «образовательная пирамида», также выполняющая стабилизирующую функцию. На наш взгляд, она явилась весьма значимым инструментом, позволившим правящему режиму избежать социальных и, возможно, политических потрясений.

Действительно, хорошо заметно, что, несмотря на огромный приток выпускников высших и среднеспециальных учебных заведений на рынок труда их конкурентные позиции относительно других работников не ослабевали, а усиливались. Уровень образования оказывает сильное влияние и на риски безработицы, и на заработки. Так, по данным Росстата, во второй половине 2000-х гг. уровень безработицы среди молодых людей с полным высшим образованием был примерно вдвое ниже, чем со средним, а среди лиц зрелого возраста (с 25 лет) — более чем в 3 раза [19]. В их среде гораздо ниже доля долгосрочных безработных и отчаявшихся работников. Норма отдачи образования тоже увеличивалась и находится на стабильно высоком уровне (рис. 3) (8).

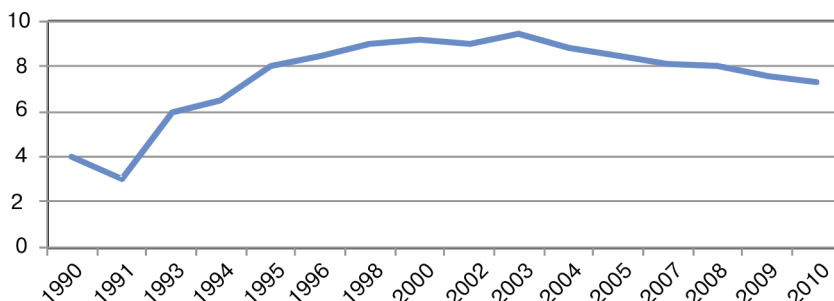

Рис. 3. Нормы отдачи высшего образования для мужчин в %

При этом, если в 1990-е норма отдачи росла во многом из-за дефицита определенных видов образованных специалистов, то в 2000-е гг. этот дефицит уже не был ярко выражен, зато заметно вырос рынок труда. На привлекательности и экономической ценности высшего образования не сказались отрицательно ни снижение качества обучения, ни бурный рост предложения дипломированной рабочей силы. Мы полагаем, что это связано:

1) с расцветом «ресурсной» экономики, обусловленным благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой 2000-х гг. (как известно, такая экономика в целом способствует созданию разнообразных пирамид и пузырей);

2) с социокультурными факторами, явно подталкивающими к получению высшего образования даже без солидной экономической отдачи. В современной России — это важный символический, статусный капитал. Наличие высшего образования для многих является признаком социальной нормальности;

3) с государственной политикой, связанной, в свою очередь, со стимулированием количественных параметров образовательной системы в ущерб качественным и повышением образовательных требований к занятым в гос- и бюджетном секторе;

4) с хорошим сочетанием альтернативных издержек и неденежных факторов получения образования. Это соотношение является в России исключительно благоприятным, стимулируя нарастание спроса на высшее образование со стороны молодых людей (низкие альтернативные издержки, социальный престиж образования, относительно невысокие образовательные требования, возможность «договориться», много свободного времени, отсрочка от призыва, примерно равные доли учащихся обоих полов и т.п.);

5) с преимущественным ростом сектора услуг в экономике;

6) а также с дальнейшим «задвиганием» в рыночной экономике менее образованных слоев населения.

В то же время, как следствие эффекта пирамиды, доля обладателей третичного, в том числе и высшего образования, место работы которых не соответствует их квалификации, в России выше, чем в подавляющем большинстве стран мира. Ни для кого не представляет секрета, что в России множество людей с вузовскими дипломами занимаются, например, монтажом стеклопакетов или работают продавцами и даже курьерами. Автор знал человека с двумя высшими образованиями, который работал на автозаправке. Не вызывает сомнений, что по уровню недоиспользования человеческого капитала Россия занимает в мире очень высокое место.

В то же время официальные данные плохо учитывают то, что многие работают не по специальности, и то, что высокая разница в доходах может быть обеспечена сокращением зарплаток малообразованных слоев, а также пугающее количество нелегальных работников: по статистике, в России почти не осталось неквалифицированной рабочей силы на рынке труда, в действительности — это ниша иностранных мигрантов.

На наш взгляд, одним из стабилизационных эффектов «образовательной пирамиды» является то, что она в целом способствует трудоустройству молодых мужчин. Особенный выигрыш на рынке труда образование дает молодежи — без этого конкурентного преимущества ей было бы тяжело. Даже с учетом этого эффекта ситуация с уровнем безработицы молодых людей является в современной России очень неблагоприятной (9). Согласно Международной организации труда при ООН, уровень безработицы среди российской молодежи 15—24 лет выше, чем в среднем по миру, на 3 процента, и составляет 16,3% [2].

У безработицы в нашей стране довольно молодое лицо. Средний возраст безработных в январе 2011 г. составил 35,5 лет. Молодежь до 25 лет составляет среди них 25%.

По данным Росстата, на начало текущего года наиболее высокий уровень безработицы отмечался в возрастной группе 15—19 лет (29%), 20—24 лет (14,9%) и 25—29 лет — (ок. 7,5%). Коэффициент превышения уровня безработицы среди молодежи 15—24 лет по сравнению с уровнем безработицы взрослого населения в возрасте 30—49 лет составляет 2,7 раза [9].

В этой связи можно отметить прогрессирующее распространение в стране эффекта «образовательных ножниц». Как показывают статистические данные, несмотря на то что в современной России высшее образование оказывает существенное положительное влияние на трудоустройство, ключевым ограничительным фактором для молодежи является недостаточный опыт работы. К примеру, в численности безработных на 2011 г. ≈ 25% составляют лица, не имеющие опыта трудовой деятельности. Данная группа безработных формируется преимущественно из числа молодежи (в 2011 г. — ≈ на 80%) [9].

Таким образом, еще одна проблема состоит в том, что, учитывая состояние экономики, опыта работы значительной части молодых специалистов будет перманентно не хватать, ему просто неоткуда будет брать, что приводит к эффекту «образовательных ножниц», когда подготовка специалистов все более отрывается от практики. С этой проблемой уже столкнулись многие отрасли экономики, и на нее, без сомнения, должно быть направлено внимание государственной образовательной политики.

По всей видимости, сложившаяся «образовательная пирамида» подходит к пределу своих стабилизационных возможностей и при сохранении текущих тенденций должна будет подвергнуться резкой и болезненной коррекции (10). Она превратилась в ловушку, из которой сложно найти выход.

Закономерно складывается впечатление, что обрисованная картина чревата политической нестабильностью уже в ближайшей перспективе.

Тем не менее, мы полагаем, что такое развитие событий является маловероятным, и не только за счет того, что в 2000-е гг. правящий режим усилил свои поли-

тические позиции, и в том числе привлек на свою сторону значительную часть социально активной молодежи при помощи популярных массовых молодежных движений (11).

Наша гипотеза заключается в том, что в процессе осуществления своих и экономической, и стабилизационной функций российская система третичного образования приблизилась к опасному тупику, практически исчерпав ресурсы экстенсивного развития, но, при этом она позволила выиграть время, в трудный экономический период принимая в себя молодежь и давая ей занятие до наступления «демографической ямы», начавшейся в 2010 г.

Она выполнила свою «вложенную» политическую функцию — позволила политическому режиму укрепиться. Теперь же обеспечивать политическую стабильность стало гораздо легче, и молодежи постепенно становится значительно меньше. Массовость российской системы высшего образования стала для государства не только экономически неоправданной, но и контрпродуктивной с точки зрения обеспечения политической стабильности.

На наш взгляд, в большой степени именно этим обстоятельством обусловлен постепенно начавшийся частичный демонтаж, сокращение «избыточных мощностей» (функционирование которых ранее было необходимо) отечественной системы высшего образования как института, выполнившего свою важную роль: «мавр сделал свое дело, мавр должен уйти».

Именно как часть этого процесса можно рассматривать последние инициативы руководства страны в образовательной сфере. В апреле 2008 г., почти сразу после своего избрания, президент РФ Д.А. Медведев заявил, что российская система образования явно избыточна и ее масштабов «хватит на весь Китай» [4].

В стране началась программа сокращения в сфере образования: оптимизация, укрупнение, сокращение числа вузов и бюджетных мест. Это неудивительно: сегодня в подавляющем большинстве российских регионов план приема в государственные вузы превышает количество выпускников школ. Из-за падения рождаемости в 1990-е гг. их количество стремительно сокращается: в 2008 г. — 959 тыс. человек, в 2009 г. — 899 тыс., в 2010 г. — 822 тыс. По прогнозам, в 2016 г. выпускников школ будет немногим более 600 тыс. — вдвое меньше, чем в 2005 г. [17].

Особый интерес в данном контексте представляет новая модель экономического роста и обеспечения макроэкономической и социальной стабильности «Стратегия 2020», разрабатываемая близкими к Кремлю экономистами.

По мнению политолога С. Белковского, важный тезис этой концепции заключается в том, «что в России, по мнению Мау и Кузьмина, присутствует переизбыток образованных людей. В первую очередь людей с высшим образованием.

Ярослав Кузьминов указывает, что из 500 тыс. выпускников вузов, которые появляются ежегодно, две трети никогда не найдут себе работу. Поэтому их основной жизненной ошибкой было поступление в вуз. Тем самым нужны изменения образовательной системы, при которых парадигма высшего образования исчезнет. Родители перестанут объяснять своим детям, что они должны получить высшее образование» [1].

Итак, мы видим, что с достижением демографической ямы правящая элита озаботилась «избыточным» уровнем образованных специалистов и стремится его скорректировать, как сокращая число вузов и бюджетных мест, так и форсированными темпами завоза в Россию необразованную рабочую силу из других стран. Мы видим, что за этими шагами стоит определенная экономическая логика. Но неизбежно возникает вопрос: почему речь об этом заходит только сейчас?

Государство долгое время предпочитало инвестиции в количественные, а не качественные аспекты образования. Это позволяло дополнительно снижать социальную напряженность, но не способствовало экономическому росту и усиливало предпосылки социальной напряженности в будущем. Однако образование здесь — лишь часть более широкого процесса вложений в развитие человеческого капитала.

Государственная политика инвестиций в человеческий капитал на протяжении всего реформенного периода отличается непоследовательностью и неэффективностью, и речь идет не только об образовании, но и о здравоохранении, поддержке материнства и детства и т.д.

Поэтому избыточный объем и низкое качество подготовки специалистов — лишь одно из следствий этой политики. Если мы посмотрим на инвестиции в другие сферы, то увидим, что там наблюдается похожая ситуация: средства вкладываются в заведомо недостаточном объеме, направлены на изменение количественных, а не качественных параметров, инвестиции рассчитаны на отдачу в кратко-среднесрочной перспективе, много простой видимости, «залатывания дыр». Важный побудительный мотив государственной политики — опять же — не допустить социальных потрясений.

На наш взгляд, одной из главных экономических и социальных проблем страны является то, что человеческий капитал воспринимается элитой преимущественно как затратный, а не производительный фактор, а инвестиции в его развитие понимаются как вынужденная необходимость.

По всей видимости, это может объясняться сомнениями в отдаче инвестиций в ЧК, а следовательно, и в их целесообразности. Таким образом, здесь можно увидеть продолжение общей политики экономии и «оптимизации» в социально-экономической сфере. Политики, являвшейся вынужденной в 1990-х гг. и сознательно проводимой в 2000-х, на фоне постоянного выражения правительством своей озабоченности состоянием человеческих ресурсов.

Возникает своего рода замкнутый круг: из-за недостаточного развития экономики ЧК понимается преимущественно как затратный фактор, на котором стремятся сэкономить, а это препятствует накоплению положительного ЧК и, в свою очередь, делает невозможным модернизацию экономики.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Необычно высокая пропорция молодежи в возрасте 15—24 лет в общем взрослом населении.
- (2) Согласно некоторым оценкам, ежегодно в Египте $\approx 700\,000$ новых выпускников претендуют на 200 000 рабочих мест (См.: [7]). Отечественный ученый А.В. Коротаев пишет об этом: «...на одном только гуманитарном факультете Каирского университета обучались 30 000 студентов! Во всем МГУ учится на 10 000 больше. 30 000 дипломированных гума-

нитариев! Всего в одном лишь Каирском университете более 200 000 студентов. В другом учебном заведении города — Айн-Шамсе — лишь немногим меньше. Это только два университета. В Каире есть еще много других... Трудоустроить всех выпускников практически нереально. Вот она — движущая сила революции» [15].

- (3) По другим данным — 10% (прим. В.Г. Иванова).
- (4) Это было обусловлено как причинами глобального характера — мировая экономика явно вступила в В-фазу очередного «Кондратьевского цикла», так и особенного, в частности к концу 1980-х гг. характерно снижение нормы отдачи высшего образования до 2—3%, а дифференциация в заработках искусственно сдерживалась.
- (5) И этот рост был обусловлен отнюдь не демографией. Численность молодежи в студенческом возрасте росла медленно, но уверенно, увеличившись на $\approx 20\%$ к середине 2000-х гг. (во многом за счет бэби-бума 1987—1989 гг.), а потом стала неуклонно снижаться.
- (6) М. Соколов отмечает в этой связи: «Мы видим, как в 1990-е годы интенсивность внешнего контроля существенно снижается... Некоторое время нет практически никаких государственных стандартов». По его мнению, принцип, которым руководствовались в то время «наверху» при снижении затрат на образование для университета и для студента — «Все возможности открываются — пожалуйста, берите деньги откуда угодно. Мы вам не платим, откуда вы их возьмете — уже абсолютно не наше дело. Университет как-то кормится, не протестует — и слава тебе, господи. Это все, чего мы от него хотим» [22].
- (7) По другим данным, по этому критерию РФ занимает 3-е место в мире, после Финляндии и Польши.
- (8) Оценка уровня отдачи образования является достаточно относительной, так как на этот счет имеются различающиеся данные трех разных исследований: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), Национальное обследование благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС) и Обследование заработной платы по профессиям (ОЗПП). Представленная схема берет за основу РМЭЗ, но по некоторым годам содержит среднеарифметические значения доступных данных по другим исследованиям и не претендует на полную точность. Цель — проиллюстрировать тенденции.
- (9) В то же время нужно признать, что данные по молодежной безработице в России могут оказаться завышенными, т.к. значительный процент молодежи «подрабатывает» или не устраивается на работу «официально» по ТК.
- (10) Если взглянуть на последние данные Росстата, этот процесс, возможно, уже начался. См.: [24].
- (11) Выдающийся русский писатель З. Прилепин отмечает изменения общественного сознания современной молодежи: «Молодежь в России, наверно, самая реакционная часть общества. Юношество еще ничего не получило, но уже боится все потерять... Всякий студент по определению должен быть «леваком», тем более в современной России. Однако у нас все наоборот. Консерваторы размножаются уже в школах и университетах... «Может быть хуже» — суть философии современного юношества» [20. С. 69—72].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Белковский С.* Россия-2020: бескрайний огород, а посередине — нефтяная вышка. Экономические гуру Мау и Кузьминов планируют отбросить нас в доиндустриальную эпоху // *Особая буква*. — 10.05.2011. URL: <http://www.specletter.com/ekonomika/2011-05-10/3/rossija-2020-beskrainii-ogorod-a-posredine-neftjanaja-vyshka.html#video>
- [2] *Белогрудова Н.* Молодежная безработица в России выше, чем в мире // *Деловой Петербург*. — 27.08.2010. URL: http://www.dp.ru/a/2010/08/27/Molodezhnaja_bezrabotica_v
- [3] В России вдвое сократится количество студентов. — 03.01.2010. URL: <http://lenta.ru/news/2010/01/03/fursenko>

- [4] В России так неоправданно много вузов, что их бы хватило на весь Китай, уверен Медведев. — 24.04.2008. URL: <http://www.newsru.com/russia/24apr2008/vyz.html>
- [5] Волков С.В. Трагедия русского офицерства. — М.: Центр-полиграф, 2002.
- [6] Высшее образование: повестка 2008—2016 // Эксперт. — 2007. — № 32 (573).
- [7] Голдман Д. Интернет-пузырь в ближневосточной политике // Asia Times Online // Око планеты. — 16.02.2011. URL: <http://oko-planet.su/politik/newsday/62161-internet-puzyr-v-blizhnemvostochnoy-politike-asia-times-online-kitay-gonkong.html>
- [8] Долгов Б.В. «Взрыв» в арабском мире: внутренний и внешний контекст // Перспективы. — 15.04.2011. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/vector/vzryv_v_arabskom_mire_vnutrennij_i_vneshnij_kontekst_2011-04-15.htm
- [9] Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2011 г. (по итогам обследования населения по проблемам занятости). URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/37.htm
- [10] Интервью с Г. Дерлугьяном / Быков П., Гурова Т. Капитализм для всех // Эксперт. — 2011. — № 9.
- [11] Капелюшников Р.И. Человеческий капитал России / Публичная лекция // Междисциплинарный лекторий «Контекст». — 11.11.2010. URL: <http://www.contextclub.org/events/y2010/m11/n512010>.
- [12] Капелюшников Р.И. Эволюция человеческого капитала в России // Отечественные записки. — 2007. — № 3. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/807>
- [13] Карпенко О.М., Бершадская М.Д., Вознесенская Ю.А. Показатели уровня образования населения в странах мира: анализ данных международной статистики // Социология образования. — 2008. — № 6.
- [14] Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ. URL: <http://www.politstudies.ru/extratext/text/issue2011A.htm>
- [15] Коротаев А.В. Молодым нечего терять. Каким странам угрожает собственная молодежь. — ФОМ. — 10.05.2011. URL: <http://fom.ru/globe/43>
- [16] Корчагин Ю.А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? — Воронеж: ЦИРЭ, 2005.
- [17] Кошмар на улице вузов. — 21.06.2010. URL: http://lenta2012.ru/pulsblog/86572_koshmar-na-ulice-vuzov.aspx
- [18] Мирзаян Г. Первая арабская // Эксперт. — 2011. — № 3.
- [19] Обследование населения по проблемам занятости населения. Ноябрь 2005 г. — М.: Росстат, 2006.
- [20] Прилепин З. Молодежь к выходу на пенсию готова / Terra Tartarara: Это касается лично меня [эссе]. — М.: АСТ: Астрель, 2009.
- [21] Салтыкова М. Российское образование — экстренные вызовы // Риа-новости. — 24.05.2011. URL: http://strategy2020.rian.ru/g8_news/20110524/366068974.html
- [22] Соколов М. Спрос на образовательные услуги и экономические стратегии: почему дипломы перестают быть «рыночными сигналами», и что с этим делать? / Публичная лекция // Междисциплинарный лекторий «Контекст». — 16.12.2010. URL: <http://www.contextclub.org/events/y2010/m12/n47>
- [23] Статистика высшего образования. — 28.11.2007. URL: http://statistika.ru/obraz/2007/11/28/obraz_9416.html
- [24] Структура безработных по уровню образования / Обследование населения по проблемам занятости населения, II квартал 2011 г. // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_30/Main.htm
- [25] Успехи высшего образования в динамично развивающихся странах. URL: <http://www.uis.unesco.org>
- [26] Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. — МГУ: ИНФРА-М, 2008.

- [27] Цифры системы образования. — 30.05.2005. URL: <http://www.finmarket.ru/z/anal/anlpgv.asp?id=383375>
- [28] *Шумпетер Й.* Социология интеллектуалов // Капитализм, социализм и демократия. — М.: Экономика, 1995.
- [29] Образованное бедное поколение // Взгляд. — 5.10.2005. URL: <http://www.vzglyad.ru/society/2005/10/5/8904.html>
- [30] Education at a Glance: OECD Indicators — 2007 Edition. URL: http://www.oecd.org/document/30/0,3746,en_2649_39263238_39251550_1_1_1_1,00.html
- [31] Education at a Glance: OECD Indicators — 2007 Edition. — Table A1. URL: http://www.oecd.org/document/30/0,3746,en_2649_39263238_39251550_1_1_1_1,00.html
- [32] Education at a Glance: OECD Indicators — 2009 Edition. — Table A1. URL: http://www.oecd.org/document/24/0,3343,en_2649_39263238_43586328_1_1_1,00.html#4
- [33] Education in Egypt. URL: www.wikipedia.org
- [34] Education in Russia. URL: www.wikipedia.org
- [35] Education in Tunisia. URL: www.wikipedia.org
- [36] Ministry of Education and Training of Republic of Tunisia. The Development of Education. National Report 2004—2008. URL: http://www.ibe.unesco.org/National_Reports/ICE_2008/tunisia_NR08.pdf
- [37] *Sabirianova K.* The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. — EERC Working Paper No 2K/11. — Moscow: EERC, 2001.

“THE NATURAL RATE OF EDUCATION” AS THE FACTOR OF STABILITY OF POLITICAL REGIMES PART II

V.G. Ivanov

The Department of Comparative Politics
People’s Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The given article contains hypothesis about the increasing level of influence of the system of tertiary education on stability of political regimes in many modern countries. In order to reveal the mechanism of such influence the author proposes the concept “the natural rate of education” which reflects optimal balance between labor market and educational system from the perspective of avoidance and tackling of social protests and instability. The author supposes that the stabilizing function of the system of tertiary education is caused by its role of the specific regulator of labor market and its capability to involve millions of young males, providing them long-term occupation. Under the state policy this stabilizing function may be enormously exaggerated and even reach the point of extremum and become counterproductive. The article contains interdisciplinary approach, being on junction of political science and economics. The author uses selected methodological foundations of the theory of human capital and introduces the following notions: “educational pyramid”, “educational bubble”, “educational scissors” and others.

The second part of the article contains a case study. The cases included are the postWW2 United States, Egypt and Tunisia before the Arab spring and modern Russia. The author stresses that Russian tertiary education system plays a unique and significant political role.

Key words: political stability, tertiary education, political regime, protest movements.